8. Долгин А. Экономика символического обмена. М., 2006.
9. Томпсон Д. Как продать за 12 миллионов долларов чучело акулы. Скандальная правда о современном искусстве и аукционных домах. М., 2009.
10. Федотова Е. Андрей Кузькин: я парень с района // Артхроника. 2011. № 3. С. 58–65.
11. Художественный рынок: вопросы теории, истории, методологии / А. В. Карпов, Т. Е. Шехтер, Л. И. Гительман [и др]. СПб., 2004.

Статья поступила в редакцию 29.07.2011 г.

УДК 821.161.1–1(091)

О. В. Мякотных

**«ЛЕРМОНТОВСКИЙ ЭЛЕМЕНТ» В ЛИРИКЕ Н. П. ОГАРЕВА 1840-х гг.
(«Благодарность» М. Ю. Лермонтова и «Прощанье с краем,
откуда я не уезжал» Н. П. Огарева)**

Сопоставляются два стихотворения эпохи 1840-х гг. — «Благодарность» М. Ю. Лермонтова и «Прощанье с краем, откуда я не уезжал» Н. П. Огарева. Отмечается, какие жанровые и стилистические элементы Огарев заимствует у своего гениального современника, а в чем проявляется его творческая оригинальность. Подчеркивается глубокое интуитивное проникновение Огарева в поэтику лермонтовской «Благодарности». При этом показано, что Огарев сохраняет самостоятельность лирического голоса, не растворяясь полностью в лермонтовских традициях. В отличие от лермонтовского «дерзки-иронического вызова к Богу» (В. И. Коровин) огаревское «Прощанье...» — выражение искренней, сердечной благодарности России за «горький» и «сладкий» опыт, полученный героем на родине.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, Н. П. Огарев, молитва, элегия, лирический герой, стиль, жанр.

О воздействии М. Ю. Лермонтова на поэтическое творчество Н. П. Огарева говорилось не раз (см.: [3, 7, 10, 12, 13, 14, 16, 20, 21]). И это не случайно. Сам Огарев утверждал, что ни в одном из русских поэтов он не находил такого «лирически настроенного мозга», как у Лермонтова. «Мне трудно, — продолжает он, — оторваться от его стихов, как от *какой-то собственной страсти* — хорошей или дурной — все равно, только никогда не солганный (здесь и далее курсив в цитатах наш. — О. М.)» [17, 193].

Напомним, что Огарев в одно время учился с Лермонтовым в Московском университете (1830–1832), у них были общие знакомые, хотя друг с другом они не были лично знакомы. Кроме того, оба поэта печатали свои лирические произведения в одном и том же периодическом издании — «Отечественных записках» [6, 350–351]. Лермонтов и Огарев принадлежали к одному поколению передовой дворянской молодежи (они были почти сверстниками: один

МЯКОТНЫХ Ольга Викторовна — педагог по развитию речи детского благородного пансиона «La Mama», г. Екатеринбург (e-mail: olya846@rambler.ru).

© Мякотных О. В., 2011

родился в 1814 г., другой — в 1813 г.; детские годы они провели в пензенской деревне: Лермонтов — в Тарханах, Огарев — в Старом Акшене) и отразили — Лермонтов во всем своем творчестве, а Огарев в значительной части своего творчества — одну эпоху, эпоху николаевской реакции: «Огарев выразил те же противоречия жизни и мысли передового интеллигента из дворян николаевской эпохи, которые получили выпуклое выражение в лирике Лермонтова» [3, 53]. Недаром некоторые исследователи (например, Ю. Н. Верховский и Д. Д. Благой) относят Огарева к «лермонтовской школе» в русской литературе (см.: [2, 4]).

Нам важно проследить, как обнаруживает себя «лермонтовский элемент» (В. Г. Белинский) в поэтическом творчестве Огарева 1840-х гг. Под «лермонтовским элементом» мы (вслед за Белинским) разумеем не просто и не только прямые, непосредственные воздействия Лермонтова на Огарева (тем более их не так уж много, так как большая часть стихотворений Лермонтова при жизни поэта не печаталась). Речь идет прежде всего об усвоении и творческом претворении Огаревым самого типа миропереживания, свойственного Лермонтову, обусловленного, в свою очередь, типом его лирического субъекта — «внутреннего человека». Поэтому, говоря о близости Огарева Лермонтову, мы должны учитывать не только факты непосредственных влияний одного поэта на другого, но и созвучность характерных мотивов, идей, образов, являющуюся результатом одинаковых или сходных устремлений близких друг другу творческих индивидуальностей.

Так, в 1840 г. «под непосредственным впечатлением от недавно прочитанной в “Отечественных записках” лермонтовской “Благодарности” (1840)» [16, 82] Огаревым будет создано «Прощанье с краем, откуда я не уезжал». Между тем первая же строчка огаревского «Прощанья...» («Прощай, прощай, моя Россия!» [18, 87]) вызывает в памяти еще одно стихотворение Лермонтова, написанное им годом позднее, — «Прощай, немытая Россия...» (1841). Однако последнее при жизни Лермонтова не печаталось, а следовательно, не было известно Огареву (хотя можно предположить, что один из списков лермонтовского стихотворения, сделанных в разное время П. И. Бартеневым, и мог попасть в руки Огареву)¹. Поэтому, говоря о переключках огаревского и лермонтовского «Прощаний...», мы имеем в виду прежде всего типологические схождения: в стихотворении Огарева нашли отражение не только его индивидуальные переживания, но и те мысли, чувства, настроения, которые делали поэта выразителем настроений и чувств *своего времени*.

Обращает на себя внимание не только переключка начальных строк лермонтовского и огаревского произведений («Прощай, немытая Россия...» [15, 472] — «Прощай, прощай, моя Россия!»), но и название стихотворения Огарева — «Прощанье с краем, откуда я не уезжал». С одной стороны, название вступает в противоречие с самим содержанием стихотворения — прощанием

¹ Стихотворение «Прощай, немытая Россия...» М. Ю. Лермонтова «впервые было опубликовано (с цензурными искажениями) в 1887 г. в “Русской старине” (№ 12, с. 738–739)». См. об этом: Голованова Т. П., Чистова И. С. Примечания // Лермонтов М. Ю. Собр. соч. : в 4 т. Л., 1979–1981. Т. 1. С. 614–615.

лирического героя с покидаемой им родиной. С другой стороны, стихотворение написано в 1840 г., когда Огарев «хлопотал о разрешении на выезд за границу» [19, 376], лишь 29 апреля (11 мая) 1841 г. он покинет Россию. Лирический субъект Огарева «прощается» с родиной, еще находясь в России, но уже предчувствуя глубокую печаль разлуки со страной, где он родился: «*Еще недолго — и уж я / Перелечу в страны чужие, / В иные, светлые края*». Однако тогда в названии «смущает» глагол прошедшего времени (прерогатива, как мы помним, элегического жанра) — «не уезжал». Почему же «не уезжал», а не «пока не уехал»? Дело в том, что, в отличие от лермонтовского героя, лирический субъект Огарева не может сказать России решительное «прощай». Так, если герой Лермонтова страстно и бесповоротно порывает со «страной рабов, страной господ», миром жандармского произвола и несправного, угнетенного народа («И вы, *мундиры голубые, / И ты, им преданный народ*»), то для огаревского субъекта воспоминания о России становятся животворными. Он как будто действительно «не уезжает» из России, потому что воспоминания о ней все время оживают в его сердце. На фоне «иных светлых краев» — будь то Рим, Болонья, Венеция, Триест, Вена, Прага, Дрезден, Лейпциг или Берлин — перед умственным взором лирического героя Огарева 40-х гг. то и дело возникает череда лелеемых им «святых воспоминаний» о «сером небе» и «степи под снежной пеленой». В одной из элегий этих лет лирический субъект Огарева прямо скажет:

В Италии брожу *и вновь тоскую:*
 Мне хочется опять к *моим снегам,*
 Послушать песню грустную, родную,
 Лететь на тройке вихрем по степям,
 С друзьями выпить чашу круговую,
 Да поболтать по длинным вечерам,
 Увидеть взор спокойный, русский локон,
 Да *небо серое* сквозь полумерзлых окон.

(«На севере туманном и печальном...») [18, 116].

В огаревском «Прощаньи...» нет ощущения неумолимой и безвозвратной утраты родины. Воспоминания о родине «в далекой стороне» призваны приблизить дорогой для героя ее светлый образ. Более того — еще не успев покинуть Россию, лирический субъект огаревского «Прощанья...» уже предчувствует трепетную радость встречи с родиной:

Вернусь — и с теплою слезой
 На небо серое взгляну я,
 На степь под снежной пеленой... [18, 87].

Вот почему так важно поэту акцентировать в первой строке, что для его лирического «я» Россия «*моя*» (в противовес «*чужим* краям», в которые герой «перелетит»). Вдали от «своей» России он особенно остро ощущает близость к родному краю.

Добровольное изгнанничество лирического героя в «иные, светлые» края; мотив воспоминаний о родине, которые словно оживают, как тень, повсюду

следуя за своим «владельцем»; тоска, чувство ностальгии по России («не раз вздохну я», «с теплою слезой»), трепетность и теплота в изображении природы — все это традиционные «знаки» элегического жанра.

Однако знакомые элегические «атрибуты» дополняются в произведении Огарева совершенно неожиданной молитвенной интонацией². Начиная с 5-й строки в художественном мире огаревского стихотворения нетрудно заметить отзвуки лермонтовской «Благодарности» — «своего рода молитвы, в которой как бы подводятся печальный итог сложных и запутанных отношений “лермонтовского человека” с Богом» [8, 99]. Авторская установка на лермонтовский стиль и лермонтовское слово более всего проявляется в поэтической интонации и в отборе лирических образов 5–13-й строк стихотворения:

у Лермонтова:

*За все, за все тебя благодарю я
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растроченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был...*
[15, 445].

у Огарева:

*Благодарю за день рождения,
За ширь степей и за зиму,
За сердцу сладкие мгновенья,
За горький опыт, за тюрьму,
За благородные желанья,
За равнодушные людей,
За грусть души, за жажду знания,
И за любовь, и за друзей, —
За все блаженство, все страданья...*
[18, 87].

Нарастание лирического напряжения и в лермонтовской «Благодарности», и в огаревском «Прощаньи...» обусловлено ритмико-синтаксическим строением длинной фразы, занимающей практически все стихотворение: внутри нее нет перебоев ритма, пауз, но есть анафорические формулы, которые обуславливают подъем интонации (у Лермонтова: «*За все, за все* тебя благодарю я... / *За все*, чем я обманут в жизни был»; у Огарева: «*Благодарю за... за... за... за...*»; «*И за любовь, и за друзей, — / За все блаженство, все страданья*»). Произносимая на одном дыхании, синтаксически сложная, с обилием нанизываемых друг на друга однородных дополнений, «благодарность» в обоих случаях выражает страстное, напряженное излияние мысли и чувства лирического героя, порыв, разрешающийся лишь в финале предложения. Напряженную эмоциональность текста создают «настойчивые» повторы как отдельных слов и сочетаний (у Лермонтова: «*за... за...*»; «*за все, за все... за все...*»; у Огарева: «*за... за...*», «*и за... и за...*», «*за все... все...*»), так и общая синтаксическая схема строк (предлог «*за*» + прямое дополнение с согласованным или несогласованным определением). Обращают на себя внимание предельная уплотненность и энергия стихотворных строк. Как известно, в молитве все — логическая упорядоченность, син-

² В статье мы опираемся на толкование понятия «молитва», предложенное Э. М. Афанасьевой. См.: Афанасьева Э. М. «Молитва» в русской лирике XIX в.: логика жанровой эволюции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. С. 7.

таксическая структура, ритм, звукопись — нацелено на создание эмоционального эффекта.

Однако однообразные по интонационно-синтаксической структуре строки огаревского «Прощанья...» и лермонтовской «Благодарности» наполняются совершенно различным внутренним содержанием. Так, в «Прощаньи с краем, откуда я не уезжал» Огарев выступает вовсе не как простой подражатель или послушный ученик Лермонтова. Идею «благодарности» он понял и воплотил по-своему. Это признание в любви России, где поэт претерпел столько мук и гонений и в то же время испытал немало «сладких мгновений». Лирический «двойник» Огарева принимает и горячо любит Россию такой, какая она есть, со всеми ее радостными и горестными мгновениями, «блаженством» и «страданиями»: «Я все люблю, все святы мне / Твои, мой край, воспоминанья / В далекой будут стороне».

Структурно «молитвенная» часть стихотворения Огарева представляет собой объединение противоположных начал, антитезу, элементы которой, дополняя друг друга, призваны создать объемный и противоречивый образ родины. В условиях «тесноты стихового ряда» все положительные характеристики России спаяны воедино с отрицательно оценочными словами. Так, повторы в огаревском «Прощаньи...» связаны не только с функцией создания основного эмоционального тона стихотворения и определенной эмоциональной насыщенности текста. При помощи анафор сближаются различные, подчас контрастные явления и признаки образа России, как бы «втянутые» поэтом в теплые и трогательные слова «благодарности» родному «краю». Лирический субъект Огарева искренне признателен России не только за «день рожденья», «ширь степей», «зиму», «сердцу сладкие мгновенья», «благородные желанья», «жажду знанья», «любовь», «друзей», но и за «горький опыт», «тюрьму», «равнодушие людей», «грусть души».

Эмоциональное напряжение первых 16 строк огаревского «Прощанья...» спадает в финальной фразе стихотворения («Вернусь — и с теплой слезой / На небо серое взгляну я, / На степь под снежной пеленой...»), а вместе с ним — и интонационная «волна», вызванная семикратным повторением предлога «за». Весьма значимо в этом смысле многоточие в конце «Прощанья...», придающее огаревскому произведению некоторую недосказанность, незавершенность, недоговоренность. Такое ощущение, что лирический герой Огарева настолько глубоко погружается в себя, что его «святые» «воспоминанья» о родине продолжают уже за пределами стихотворения. Еще не успев «уехать» из России, «перенестись в иные, светлые края», он *уже*, «здесь и сейчас», проецирует в сознании ситуацию «возвращения» на родину после долгой разлуки, *уже* думает о том, как он «с теплой слезой» «взглянет» на «серое» «небо» и «степь под снежной пеленой»... При этом многоточие в финале оставляет фактически предметный ряд открытым, указывая на возможность его продолжения.

«Саркастическая» благодарность у Лермонтова преследует совершенно иную цель. Лермонтовский герой благодарит Бога... за испытанные в жизни страдания. Причем сама форма «благодарности» поэтом иронически переосмыслена. «Благодарность» начинается строкой, напоминающей страстную и проникновенную

молитву верующего человека, еще ничем не предвещающую горькое содержание: «За все, за все тебя благодарю я...» Но дальше следует разъяснение, меняющее тему и смысл стихотворения. Лермонтов нагнетает слова с резкой и противоположной стилистической окраской: «горечь слез», «отрава поцелуя», «клевета друзей», «жар души, растроченный в пустыне». Мы помним, что Огарев подхватит этот прием, однако подвергнет его переосмыслению: *антитезы*, сложные «сцепления» характеристик родины в большей степени призваны воссоздать противоречивое переживание героем «своей» России. В лермонтовской же «Благодарности» «*оксюморонные словосочетания*» (В. И. Коровин) символизируют предельное отчаяние и беспредельный скепсис сомневающегося человека. Вместо прославления созданного Богом мира в этих внутренне противоречивых формулах звучит горечь за алогично и неразумно устроенную жизнь. Прием же шестикратного единоначатия не усиливает «благодарность» героя, как в огаревском стихотворении, а «передает душевную опустошенность лирического субъекта, окончательно расставшегося со всеми “обманами” юности» [9, 17].

В финале герой Лермонтова поднимается до уровня категорического неприятия такого мироустройства, в котором нет места «идеальным» ценностям, он против жизни, представляющей собой цепь страданий и разочарований: «*Устрой лишь так, чтобы тебя отныне / Недолго я еще благодарил*». Последние две строки рождает чувство едкой мрачно-горькой иронии, возникшей как результат осознания героем невозможности примирения с несовершенным миропорядком, желания «не быть» его частью. Смерть оказывается единственно возможной для лермонтовского человека ипостасью покоя. В то время как для лирического «я» Огарева такой прочной основой, спасением оказывается постоянная мысль о России.

Смена интонации скрытой горечи на открытую иронию звучит заключительным аккордом, переосмысляющим всю тему (в том числе и название) лермонтовской «Благодарности».

Таким образом, «Прощанье с краем, откуда я не уезжал» Огарева представляет собой сложное жанровое образование: поэт включает в элегию устойчивые черты поэтики молитвы для создания открытой, искренней, задушевной интонации. Однако здесь нет традиционного «охранного, очистительного молитвенного “богообщения”». Это скорее молитва, обращенная не к Богу, а к России, ибо в «Прощаньи...» между молящимся и его *родиной* (а не Богом, который даже не упоминается) устанавливаются особые духовные отношения. «Благодарственная молитва» в огаревском стихотворении сохраняет лишь свои стилиевые (формальные) особенности (наличие анафорических повторов, синтаксически параллельных конструкций в пределах строфы, «молитвенное слово, ориентированное на гармоничное примирение... расколото, разорванного антиномиями мира сознания» [1, 7]).

Молитвенная же интонация лермонтовского стихотворения наполняется совершенно неожиданными, новыми оттенками лирического переживания — душевной незатихающей болью, горечью, опустошенностью, разочарованием. Лирический герой Лермонтова, «протестуя против несовершенства мира,

предъявляет счет тому же Богу, возлагая на него ответственность за свои “разбитые” надежды, “за все”, чем он “обманут в жизни был”, в его душе живет «страстная жажда веры» и протест против такого порядка мироустройства [8, 101].

Как видим, говоря о «Прощаньи с краем, откуда я не уезжал», более предпочтительным представляется вывод о глубоком *интуитивном* проникновении Огарева 40-х гг. в поэтику лермонтовских «Прощай, немытая Россия...» и «Благодарность», об особой поэтической памяти, запечатлевшей дух и форму лермонтовского стиля. В своем «Прощаньи...» Огарев сохраняет самостоятельность лирического голоса, не растворяясь полностью в лермонтовских традициях. Так, у Огарева нет той горькой иронии, которая придает особое своеобразие лермонтовскому монологу и оттеняет его внутренний трагизм. Если лермонтовская «Благодарность» представляет собой не тихую мольбу, а скорее «дерзки-иронический вызов Богу» [11, 63], а «Прощай, немытая Россия...» — «гневную инвективу, одно из острых политических выступлений поэта» [5, 452], то огаревское «Прощанье...» — выражение искренней, сердечной благодарности России за «горький» и «сладкий» опыт, полученный героем на родине. В мучительных противоречиях лирики Лермонтова Огарев находит выражение своих собственных душевных мук и исканий.

1. Афанасьева Э. М. «Молитва» в русской лирике XIX в.: логика жанровой эволюции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000.
2. Благой Д. Д. Поэзия декабристской каторги // Одоевский А. И. Полн. собр. стихотворений и писем : в 2 т. М. ; Л., 1934. Т. 1. С. 28.
3. Бочкарев В. А. Н. П. Огарев и Лермонтов // Учен. зап. гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева. 1942. Вып. 6. С. 49–64.
4. Верховский Ю. Н. Н. П. Огарев. М., 1928. С. 33–34.
5. Динесман Т. Г. «Прощай, немытая Россия» // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1999.
6. Дмитрук Е. Я. Огарев Н. П. // Там же.
7. Дмитрук Е. Я. Огарев о Лермонтове // Вопросы русской литературы. Львов, 1969. Вып. 3 (12). С. 11–17.
8. Ермоленко С. И. Монолог: наедине с вечностью // Ермоленко С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы. Екатеринбург, 1996.
9. Ермоленко С. И. Религиозное чувство М. Ю. Лермонтова в лирическом выражении // Лермонтовские чтения — III : материалы Всерос. науч. конф., 15–16 окт. 2009 г. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010.
10. Конкин С. С. Н. П. Огарев: жизнь — идейно-творческие искания — борьба. Саранск, 1975.
11. Коровин В. И. «Благодарность» // Лермонтовская энциклопедия.
12. Котляревский Н. А. М. Ю. Лермонтов. Личность поэта и его произведения. Пг., 1915. С. 314–323.
13. Ленина Л. И. Некоторые особенности реализма стихотворений М. Ю. Лермонтова, посвященных Н. Ф. Ивановой, и «Buch der Liebe» Н. Огарева // Проблемы реализма в русской и зарубежной литературах : тез. докл. межвуз. конф., 1965, февр. Вологда, 1965. С. 11–12.
14. Ленина Л. И. Огарев и Лермонтов // Рус. лит. 1968. № 2. С. 180–192.

15. *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений : в 4 т. Л., 1979–1981. Т. 1 : Стихотворения 1828–1841.
16. *Нейман Б. В.* Огарев и Лермонтов // М. Ю. Лермонтов. Проблемы типологии и историзма. Рязань, 1980. С. 11–17.
17. *Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения : в 2 т. М., 1952–1956. Т. 2.
18. *Огарев Н. П.* Стихотворения и поэмы : в 2 т. Л., 1937–1938. Т. 1.
19. *Рейсер С. А., Сурина Н. П.* Примечания // Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы : в 2 т. Л., 1937–1938. Т. 1.
20. *Розанов И. Н.* Отзвуки Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову : юбил. сб. М. ; Пг., 1914. С. 240–241.
21. *Семенов Л. П.* М. Ю. Лермонтов. Статьи и заметки. М., 1915. С. 210–227.

Статья поступила в редакцию 27.06.2011 г.

УДК 008 + 94(491.1)

П. К. Ольховикова

ПРОБЛЕМА ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ЦЕНТРА ИСЛАНДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В XX в.

Рассматривается феномен перемещения центра исландской культуры и его влияние на национальную идентичность. Дается диалогический анализ процесса на основе концепции диалогической самости Х. Херманса. В результате формируется представление о составляющих «образа себя», характерного для современной исландской культуры, их взаимоотношениях и отражении этих взаимоотношений в различных сферах жизни — от экономики до искусства.

Ключевые слова: диалогичность, диалогическая самость, национальная идентичность, центр культуры, внутреннее пространство культуры, образ себя, исландская культура.

Огромное количество работ исследователей-скандинавистов посвящено Исландии эпохи викингов, в то время как о современной культурной ситуации в этой стране написано очень и очень мало. Многочисленные туристические путеводители, иногда на скорую руку замаскированные под страноведческие исследования, разумеется, не в счет. Вместе с тем, читая о раннем Средневековье, мы немало узнаем о современной Исландии, ведь эту культуру отличает не просто глубокая связь с традицией, но ее непрерывность, постоянное сосуществование традиций и современности. Подобно тому, как в исландском ландшафте сочетаются конструктивистская архитектура, передовые технологии и суровая нетронутая природа, в религиозном сознании — лютеранство и живое,

ОЛЬХОВИКОВА Полина Константиновна — аспирант кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (e-mail: sumarugla@yandex.ru).

© Ольховикова П. К., 2011